

0075

ЦЕНТРПОЛИГРАФ

HARLEQUIN®

Миранда Ли
**МОЙ ЛЮБИМЫЙ
ПИАНИСТ**

Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Любовный роман – Harlequin

Миранда Ли

Мой любимый пианист

«Центрполиграф»

Ли М.

Мой любимый пианист / М. Ли — «Центрполиграф»,
— (Любовный роман – Harlequin)

Ради карьеры Николас уехал из родной Австралии и покинул возлюбленную. Живя в Нью-Йорке, он не перестает задаваться вопросом: любит ли его еще Серина? Однажды он решает вернуться и узнать ответ...

© Ли М.

© Центрполиграф

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	15
Глава 5	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Миранда Ли

Мой любимый пианист

Глава 1

Николас двигался с несвойственной ему медлительностью, выходя из такси рядом с домом. Он устал как собака и совсем не чувствовал привычного возбуждения, охватывавшего его, когда удавалось отыскать и вывести в свет очередной удивительный талант.

Хотя стоит признать, что, стоя за кулисами, в то время как перед публикой выступает новое дарование, невозможно пережить тот же всплеск адреналина, который получаешь, когда сам выходишь на сцену. Однако за последние десять лет Николас успел выяснить, что быть человеком, обеспечившим успех новой звезды или проекта, лишь немногим хуже.

И все же сегодня пульс Николаса ничуть не участился, когда его последняя протеже удостоилась многочисленных оваций искушенной нью-йоркской публики. Разумеется, Ник был очень рад. Очень милая девушка и прекрасная скрипачка. Просто он почему-то не ощущал тех чувств, которые обычно его переполняли. И что уж кривить душой, ему было на это наплевать.

Может, приближался кризис среднего возраста? В конце концов, в следующем году Николасу исполнится уже сорок. А может быть, он просто устал. Карьера в шоу-бизнесе быстро выматывает – как исполнителей, так и промоутеров. Слишком много взлетов и падений. И бесконечные переезды.

Николас очень быстро возненавидел гостиничные номера. Поэтому он в конце концов и приобрел жилье в Нью-Йорке и Лондоне. Эти деньги не были потрачены зря. Его квартира в Нью-Йорке за прошедшие шесть лет втрое выросла в цене. Лондонский особняк оказался не столь впечатляющим вложением финансов, но Ник уж точно не остался внакладе.

– Сегодня все прошло хорошо, мистер Дюпре? – вежливо поинтересовался швейцар, открывая дверь. В его голосе явно прозвучало легкое беспокойство. Вероятно, Николас всем своим видом излучал усталость.

– Просто замечательно, Майк, спасибо.

– Это хорошо, – кивнул тот в ответ.

Николас бы с радостью дал парню чаевые, но Майк упорно отказывался их принимать от жильцов – только от гостей. На Рождество Николас не мог отказать себе в удовольствии вложить в открытку чек на кругленькую сумму и насильно всучить ее швейцару. При этом обещая смертельно обидеться, если Майк откажется от его рождественского подарка. Николас, правда, подозревал, что швейцар отдает большую часть этих денег тому, кто, по его мнению, нуждается в них больше. Это было бы вполне в его духе.

Консьерж – приятный молодой человек, сидевший за столом в фойе, поднял взгляд на Николаса.

Чед учился на третьем курсе юридического факультета и по ночам подрабатывал, чтобы оплатить занятия в колледже. Промоутер всегда восхищался людьми, способными упорно трудиться, поэтому молодой человек тоже удостоился небольшого подарка на прошлое Рождество.

– Сэр, для вас письмо, – произнес Чед.

– Письмо?

Николас нахмурился, направляясь к столу консьержа. Писем он не получал давненько.

Молодой человек улыбнулся:

– Почтальон принес его днем, уже после того, как вы уехали в театр. Должен признаться, нам оно подняло настроение. Вы сами поймете, когда увидите адрес. – С этими словами Чед протянул Николасу ярко-розовый конверт.

Надпись гласила:

«Мистеру Николасу Дюпре, Бродвей, Нью-Йорк, Америка».

– Боже правый, – криво усмехнувшись, прокомментировал Николас.

– Хорошо быть знаменитым, – отозвался Чед.

– Полагаю, я не настолько знаменит.

По крайней мере, теперь. Пресса предпочитает брать интервью у артистов, а не у антрепренеров. Николасу довелось участвовать в телевизионном шоу лишь однажды, пару лет назад, после того как мюзикл, который он продюсировал, удостоился нескольких престижных премий. С тех пор – ничего.

– Оно пришло аж из Австралии, – добавил Чед, и сердце Николаса на мгновение замерло.

Что-то – возможно, шестое чувство – предупреждало: не следует переворачивать конверт и смотреть на имя отправителя...

– Похоже, оно от какой-то дамочки, – продолжал Чед, которому, судя по всему, не терпелось побыстрее выяснить, кто именно прислал письмо.

Однако Николас не имел ни малейшего желания удовлетворять любопытство консьержа.

– Полагаю, от какой-нибудь давней поклонницы, – произнес он, спрятав конверт во внутренний карман. – Которая до сих пор не знает, что я ушел со сцены. Спасибо, Чед. Спокойной ночи.

– О... э... Доброй ночи, сэр.

Закрыв дверь своей квартиры на десятом этаже, Николас вытащил письмо и перевернул конверт.

Желудок болезненно сжался, стоило мужчине прочесть имя отправителя. Письмо не от нее. Неужели Николас, несмотря ни на что, ожидал, что Серина наконец-то пришла в себя и осознала, что не может жить без него?

Преодолев смятение, мужчина почувствовал, как пробудилось любопытство. Письмо было от дочери Серины, которую он очень непродолжительное время считал своей. Фелисити Хармон родилась через десять месяцев после того, как он в последний раз переспал с Сериной, и ровно через девять месяцев после ее свадьбы с Грегом Хармоном.

Николасу до сих пор было трудно смириться с тем, что его бывшая возлюбленная сделала в тот вечер. Было очень жестоко вернуться в его жизнь и пробудить новые надежды.

Потребовались долгие годы, чтобы пережить отказ Серины вместе поехать в Англию. Однако со временем он сумел понять и принять – по крайней мере, так мужчине казалось – тот факт, что ее любовь к семье и жизни в Роки-Крик была гораздо сильнее чувств к нему. С тех пор Николас избегал возвращения в родной город – даже ни разу не навестил свою мать.

Однако именно Серина спустя несколько лет сумела его отыскать.

Николас считал, что он уже успел забыть свою любовь. У него были другие женщины – много других женщин. Правда, ни с одной из них он вместе не жил и уж тем более не собирался жениться. Николас должен был сообразить, что его сердце по-прежнему принадлежит Серине – тринадцать лет назад оно взмыло в неведомую высь, стоило вышедшему на поклон после выступления музыканту увидеть в зале свою прежнюю возлюбленную. Николас хорошо запомнил тот день, поскольку он впервые выступал в Сиднее после долгих лет, проведенных вдали от Австралии, и в особенности от Роки-Крик.

Когда после концерта Серина появилась в гримерке, музыкант потерял дар речи. Стоило Нику взглянуть в ее прелестные, наполненные слезами глаза, как он притянул женщину к себе и запер дверь. Они занимались любовью на диване с отчаянной страстью, с неутолимым голодом и заснули, изможденные, в объятиях друг друга.

Когда Николас проснулся, она уже ушла, оставив записку с извинениями. Серина призналась, что просто не смогла противиться искушению побыть с ним в последний раз. Умоляла не следовать за ней. Серина собиралась выйти замуж за Грегга Хармона через несколько недель,

и ничто не смогло бы заставить ее передумать. Николас до сих пор помнил последний абзац слово в слово:

«Твоя жизнь похожа на игру на пианино, Николас. Именно об этом ты всегда мечтал – выступать. Я поняла это сегодня вечером. То, что между нами существует, – это не любовь, Ник. Это что-то другое. Если я поддамся этому чувству, оно меня уничтожит. Ты сможешь все пережить, Николас, сможешь существовать без меня. Я знаю это».

Что ж ему это удалось. Он все пережил. Он существовал.

И несмотря на это, стоило мужчине получить розовый конверт из Австралии, его сердце бешено забилося. Вспоминая былое, Ник понимал, что Серина была бессильна противостоять их взаимному притяжению. Как любовники они с самого начала идеально подходили друг другу, а ведь у обоих это был первый опыт...

Николас покачал головой, вспомнив ту ночь. Если бы он знал, что случится в будущем, то ни за что на свете не согласился бы пойти вместе с Сериной на выпускной бал, как настояла миссис Джонсон.

В те дни у Николаса не было времени на девушек. Единственной его страстью была музыка.

Нельзя сказать, что девушки за ним не бегали – наоборот. В восемнадцать лет он был высоким, красивым парнем со светлыми вьющимися волосами и холодными синими глазами, которые девчонки считали сексуальными. Почти все одноклассницы с радостью согласились бы пойти с ним на выпускной бал. Но Николас не хотел сложностей, которые неизбежно связаны с началом нового романа. Тогда он думал только о своей карьере. Ник мечтал об одном – стать одним из лучших исполнителей в мире. Он уже без конкурса был зачислен в Консерваторию Сиднея и через пару месяцев собирался туда переехать. Жизнь в Роки-Крик, городе, который он с детства ненавидел, подходила к концу.

Но мать Николаса очень хотела, чтобы сын пошел на выпускной бал, поэтому он поддался на уговоры своей преподавательницы музыки и пригласил Серину, еще одну ученицу миссис Джонсон. Ник посчитал – как выяснилось впоследствии, ошибочно, – что уж с ней-то точно не будет никаких проблем. Общаться тоже будет несложно – они всегда могут поговорить о музыке.

Представьте себе его изумление – и шок, – когда молодой музыкант приехал за девушкой на машине своей матери и его взору предстало прелестное видение. На Серине было платье без бретелек глубокого синего цвета из переливающейся ткани и туфли на высоком каблуке. Прекрасно очерченные ноги оказались очень длинными.

До сих пор Николас видел Серину только в школьной форме, без макияжа, с волосами или заплетенными в косу, или собранными в хвост.

Внезапное преображение – распущенные локоны, макияж, платье, открывавшее вполне сформировавшуюся фигуру, – заставляло девушку выглядеть старше и потрясаяще сексуально. Один взгляд – и Николас ощутил такое сильное желание, какого еще никогда не чувствовал. Он весь вечер пожирал Серину глазами. Танцевать с ней было одновременно и счастьем, и мукой.

К тому времени, как они ушли с бала и он повез Серину домой, Ник был совершенно измучен. Ее родители отпустили свою дочь с ним при одном условии: он не поедет с ней на частные вечеринки выпускников, которые почти всегда превращались в оргии. Николас ничего не имел против, поскольку был не из тех, кто пьет и занимается сексом.

Однако внезапно оказалось, что он хотел Серину даже больше, чем сразить весь мир своей виртуозной игрой. Но Ник прекрасно понимал, что об этом и речи быть не может. Хотя бы потому, что его спутница, по всей видимости, была еще девственницей – как и он сам.

Но когда они уже подъезжали к Роки-Крик, рука девушки скользнула по его бедру. Ник посмотрел ей в глаза и прочел в них такое же отчаянное желание, как то, что сжигало его самого.

– Не вези меня домой прямо сейчас, – хрипло прошептала Серина.

Большого поощрения Николасу не требовалось. Он свернул с главной дороги на узкий проезд через заросли, который привел их в укромное местечко у ручья.

Там все это и началось. Сначала просто поцелуи, затем неловкие прикосновения, которые становились все смелее... Вскоре слетела одежда, и, прежде чем Ник осознал, что происходит, он уже протискивался в нее. Юношу не остановил даже вскрик боли. К тому моменту он уже не мог ни думать, ни контролировать себя. Уже после того, как все закончилось, Николас запаниковал, потому что не использовал презерватив.

– Твой отец меня прибьет, если ты забеременеешь, – простонал он.

– Не в этот раз, – на удивление спокойно отозвалась Серина. – Не сегодня. У меня только что закончились месячные. Если верить одной хорошей книге, это значит, что сейчас можно.

Николас вздохнул с облегчением.

– Завтра я поеду в Порт и куплю презервативы. В следующий раз будет лучше, – пообещал Ник.

– Мне и сейчас понравилось, – отозвалась Серина, чем немало его удивила. – Это было чудесно. Сделай это еще раз, Николас.

И он сделал это. Теперь уже медленнее, с удивлением заметив, что девушка тоже достигла пика. К тому времени, как Ник отвез Серину домой, было уже почти два часа ночи, он понял, что без ума от нее.

Каким-то чудом им удалось держать свой роман в тайне все лето. Николас каждый вечер крадучись выбирался из своей комнаты и встречался с Сериной за ее домом.

Встречаться открыто они начали куда позже. К тому времени Николас уже учился в Сиднее и молодые люди виделись редко. Однако при каждой встрече они почти все время проводили вместе, отговариваясь тем, что играют вместе на пианино, ходят в кино или на пляж.

Но нежелательная беременность – как и ранняя женитьба – не входила в планы Николаса, он ведь собирался стать всемирно известным пианистом.

И все же Ник всегда чувствовал, что Серина – единственная девушка на всем белом свете, которая идеально ему подходит, что они однажды поженятся и она станет матерью его детей. Казалась абсурдной мысль, что Серина может быть с другим мужчиной, не говоря уже о том, чтобы родить от него ребенка.

Тем не менее это произошло – и этот ребенок написал ему письмо.

Николас вскрыл розовый конверт и вытащил белый лист бумаги с набранным на компьютере текстом.

«Дорогой мистер Дюпре!

Здравствуйте. Меня зовут Фелисити Хармон. Я живу в Роки-Крик, мне двенадцать лет. Я староста нашей школы и помогаю учителям организовать праздник, посвященный окончанию учебного года, который состоится в субботу вечером двадцатого декабря. Мы надеемся собрать средства для местной пожарной бригады.

В этом году вместо обычного концерта запланирован конкурс молодых талантов, и нам очень нужен судья. Этот человек должен быть известным, потому что тогда придет много народу. Вы самый знаменитый человек, который жил в Роки-Крик, и я подумала, что стоит написать вам и попросить приехать на один вечер. Моя учительница фортепьяно, миссис Джонсон, говорит, что вы, скорее всего, не согласитесь, потому что живете в Нью-Йорке. Но она еще сказала, что вы были очень хорошими друзьями с моей мамой, поэтому можете приехать, если я вежливо попрошу. Возможно, вы этого не знаете, но мой папа не так давно погиб. Он помогал тушить ужасный лесной пожар в Виктории прошлым летом, и на него упало сгоревшее

дерево. За день до этого он сказал мне, что нашей местной бригаде нужно лучшее оборудование, чтобы сохранить город в безопасности от лесных пожаров. Было бы очень хорошо купить новый грузовик. Но они очень дорогие.

Я уверена, что, если вы приедете и будете судить этот конкурс, мы получим целую кучу денег. Вы могли бы остановиться в нашем доме, потому что у нас как раз есть свободная комната. Внизу я написала мой электронный адрес – на всякий случай. Пожалуйста, сообщите мне о вашем решении как можно скорее, ведь концерт состоится всего через три недели.

Искренне ваша,
Фелисити Хармон.

Р. С. Я взяла розовый конверт, потому что подумала: так он будет выделяться из других писем и быстрее найдет вас.

Р. Р. С. Если все так и получится, пожалуйста, приезжайте!»

«Пожалуйста, приезжайте!» Это смешно. Попробовал бы кто-нибудь его удержать!

Если бы Грег Хармон по-прежнему был жив, Николас даже не подумал бы о том, чтобы вернуться в Роки-Крик. Он бы вежливо отклонил эту, безусловно, трогательную просьбу, а потом прислал бы ей чек на солидную сумму в качестве компенсации за разочарование.

Но перед ним только что призывно помахали морковкой. Серина теперь вдова...

Она была его ахиллесовой пятой. Всегда сводила Николаса с ума. Однажды эта женщина погубит его.

Глава 2

Серина смотрела на свою дочь, не веря собственным ушам. Смелое заявление Фелисити о том, что она сумела уговорить Николаса Дюпре стать судьей на их благотворительном конкурсе, на некоторое время лишила ее дара речи.

– Но откуда ты узнала, как с ним связаться? – наконец сумела произнести Серина.

Самодовольное выражение, появившееся на лице девочки, донельзя напомнило матери ее отца. Ее настоящего отца, а не того, который вырастил малышку.

– Я и не знала, – ответила Фелисити. – Я написала ему письмо, а на конверте просто указала «Бродвей, Нью-Йорк». И он его получил!

Серина не без труда сделала глубокий вдох, моля небеса о спокойствии.

– И?..

– Я дала ему свой электронный адрес, и мистер Дюпре вчера вечером прислал мне ответ.

– А почему ты мне об этом не рассказала еще вчера?

– Его письмо пришло уже после того, как ты легла спать.

– Фелисити! Ты прекрасно знаешь, что мне не нравится, когда ты сидишь за компьютером поздно ночью!

– Да, знаю, прости, – без малейшего раскаяния извинилась девочка.

Серина сердито посмотрела на дочь. Фелисити была весьма целеустремленным и, на свою голову, слишком умным ребенком. Не говоря уже о ее музыкальном таланте. Миссис Джонсон уверяла, что эта девочка была самой одаренной ее ученицей после...

Серина сглотнула. Нет, это происходит не с ней!

– Фелисити, я...

– Мам, пожалуйста, ну, не злись на меня, а? – попросила девочка. – Я должна была что-то сделать, иначе бы на наш конкурс никто не пришел, кроме родителей. А так будет целая куча народу. Может, собранных денег хватит даже на то, чтобы купить один из этих новых грузовиков, как папа хотел. Мама, я ведь затеяла это ради папы.

И что на это можно было сказать? Ничего. Фелисити обожала своего отца и была сломлена, когда тот погиб. Грег Хармон, в свою очередь, не мог на нее нарадоваться, так и не узнав правду. Серина сумела сохранить свой секрет. Никто не знал всей правды.

Судьба – и генетика – помогли Серине в этом маленьком обмане. Во-первых, она носила ребенка десять месяцев – эта аномалия в ее семье передавалась по женской линии и порой напоминала о себе. Двоюродная бабушка Серины носила двоих детей по десять месяцев. Кроме того, девочка унаследовала от матери темные волосы и глаза, а не светлые кудри Николаса. Тогда она еще была совсем крошкой и не училась музыке. Не было ничего, что могло бы настроить Николаса. Даже сейчас все в Роки-Крик были убеждены, что Фелисити унаследовала свои способности к музыке от матери. Кто бы мог предположить, что такая уважаемая женщина, как Серина Хармон, рванет в Сидней, чтобы, обезумев от страсти, переспать со своим бывшим возлюбленным за месяц до свадьбы? Немыслимо!

С другой стороны, у Николаса всегда был талант лишать ее способности здраво мыслить...

Было время, когда Серина готова была ради него сделать все что угодно. Даже бросить свою семью в тот момент, когда родители в ней нуждались.

Как можно было уехать в Англию с Николасом, когда отец никак не мог оправиться от удара? Ник был сперва поражен, услышав отказ, потом взбешен. Заявил, что в таком случае она недостаточно его любила.

Но он ошибся. Она любила Николаса. Так сильно, что сама иногда этого боялась. Рядом с ним Серина была сама не своя. Женщина словно становилась его рабыней, человеком, у которого нет и не может быть собственной воли.

Зная это, женщина сообщила ему о своем отказе по телефону. Николас только что выиграл музыкальный конкурс в Сиднее, а призом была возможность уехать в Англию, учиться там и выступать. Он сразу же позвонил ей, настаивая на том, чтобы отправиться в путь вместе, хотя Серина не могла не отметить при этом, что предложения руки и сердца с его стороны не последовало.

– Я не могу поехать с тобой, Ник, – выдавила она. По щекам Серины катились слезы. – Я должна остаться в Роки-Крик и помочь управлять семейным бизнесом. Больше никого нет, кто мог бы это сделать. – У Серины не было ни братьев ни сестер.

Николас был в ярости и спорил с ней. Но девушка осталась непреклонна. Было гораздо легче противостоять напору, когда Ника не было рядом. Тогда он пригрозил вернуться в Роки-Крик и убедить ее. В ответ девушка заявила, что он только зря потратит свое время, и с тяжелым сердцем солгала, будто в любом случае уже устала от их романа на расстоянии. И в самом деле, с тех пор как Николас уехал учиться в Сидней, они виделись только по выходным да на каникулах, и то не всегда.

– Я хочу, чтобы у меня был нормальный парень, – плакала Серина. – Который не будет помешан на музыке! Который живет в Роки-Крик! Например, Грег Хармон предлагал мне встречаться. – Последнее, впрочем, было правдой.

– Грег Хармон! Да он тебе в отцы годится!

– Вовсе нет.

Грег и впрямь выглядел значительно старше своего возраста. На самом деле ему еще не было и тридцати, он работал учителем в старших классах школы Уочоп.

– Он очень милый, – отрывисто бросила Серина, защищаясь. – И очень симпатичный. Когда Грег позовет меня на свидание, я соглашусь.

Николас один улетел в Англию. Но с тех пор она не получала от него ни писем, ни телефонных звонков с просьбами о прощении. Только горькое, обиженное молчание.

Серине потребовалось много времени, чтобы пережить разрыв с Николасом. Но в конце концов растущее чувство одиночества заставило ее согласиться на уговоры Грега. В глубине души она всегда верила, что Ник вернется и предъявит свои права на нее. Поэтому сначала она отказывалась спать с Грегом, не говоря уже о замужестве.

Но время шло, и Серина поняла, что Николас не вернется. Она приняла обручальное кольцо и позволила Грегу овладеть ею, после чего долго плакала. Грег оказался нежным и терпеливым любовником. Просто он не был Николасом.

И все же со временем Серина сумела отбросить мысли о своем первом возлюбленном и начала планировать свадьбу.

Если бы она только не совершила ту роковую поездку в Сидней за свадебным платьем... Если бы в отеле не увидела интервью с Николасом... Если бы не решила задержаться после концерта...

Серина посмотрела на свою дочь и в который раз подумала, правильно ли поступила, выдав Фелисити за ребенка Грега. К тому времени, как она обнаружила, что беременна, свадьба уже была на носу, и у Серины не хватило смелости признаться Грегу – правда причинила бы ему страшную боль.

Жизнь в маленьком городе вовсе не так проста, как людям иногда кажется.

«Нет, я приняла правильное решение, – размышляла Серина, – другого выхода не было. Грег был преданным мужем и прекрасным отцом».

Но скоро мир и покой нарушатся. Очень скоро.

Серина боялась того, что может произойти, когда она вновь увидит Николаса. Женщина прекрасно помнила свои чувства, когда Ник приехал на похороны матери. Это случилось десять лет назад, Серине было уже двадцать семь, а он приближался к тридцати. Николас загнал свою бывшую возлюбленную в угол, дождавшись момента, когда Грег вышел с дочерью на улицу.

Ник был тогда очень холоден. Как лед.

Но вот Серине холодно не было. Несмотря на то что он допрашивал ее о рождении дочери ледяным, презрительным тоном, женщина сгорала от желания. Серине до сих пор было стыдно думать, что могло бы случиться, если бы Николас сделал хоть один шаг навстречу...

К счастью, он так не поступил.

Но кто знает, что Ник может сделать теперь, когда она стала вдовой? Интересно, Фелисити рассказала ему, что Грег умер? А ведь она могла...

– У тебя осталась копия письма, которое ты отправила мистеру Дюпре? – холодно поинтересовалась она у дочери.

– Мам, это же личное!

– Я хочу взглянуть на него, Фелисити. И на его ответ.

Девочка надулась и не двинулась с места.

Серина поднялась со стула.

– Пойдемте, юная леди.

Серина нашла письмо Фелисити очень трогательным – пока не добралась до той части, в которой ее дочь предлагала Николасу пожить у них дома.

– Он не может здесь остаться!

– А почему нет? – с негодованием и невинностью юности спросила девочка.

– Потому что.

– Почему «потому что»?

– Потому что никто не приглашает незнакомых людей остановиться у них в доме, – с отчаянием произнесла Серина.

– Но он ведь не незнакомец! Он много-много лет жил здесь, в Роки-Крик, миссис Джонсон говорила, что вы были очень хорошими друзьями. Она сказала, вы даже встречались одно время.

– Ничего серьезного, – соврала Серина. – И как я говорила, это было почти двадцать лет назад. Николас вполне мог за эти годы стать пьяницей или даже наркоманом!

Фелисити так взглянула на мать, словно сомневалась в ее психическом здоровье.

– Мам, мне кажется, этот спор ты проиграла. Но беспокоиться тебе не о чем – мистер Дюпре отказался остановиться у нас. Вот, прочитай его письмо.

Фелисити пару раз щелкнула мышкой, и на экране появилось сообщение от Николаса. Серина принялась читать его:

«Дорогая Фелисити!

Спасибо за такое замечательное письмо. Мне было искренне жаль узнать о трагической гибели твоего отца, прими мои глубочайшие соболезнования. У меня осталось много теплых воспоминаний о Роки-Крик, поэтому я буду только рад помочь тебе с этим благотворительным конкурсом. Похоже, ты весьма разумная и предприимчивая юная леди – уверен, твоя мать очень тобой гордится.

К сожалению, следующие две недели я буду занят делами в Нью-Йорке и Лондоне и не смогу прибыть в Сидней раньше, чем за день до вашего концерта. Сердечно благодарю за твое доброе предложение остановиться у вас, но я предпочел бы пожить в отдельном доме и поэтому остановлюсь в Порт-Макуайр. Я свяжусь с тобой по телефону сразу же, как прибуду туда. Пожалуйста, сообщи мне в ответном письме, устраивает ли тебя такой план, и дай мне ваш домаш-

ний номер. Передавай привет маме и миссис Джонсон. Я с нетерпением жду возможности вновь увидаться с ними.

С наилучшими пожеланиями,
Николас Дюпре».

Серина не знала, что сказать. Письмо было исключительно вежливым. Слишком вежливым и несколько напыщенным. Это было не похоже на Николаса.

Может, она сказала своей дочери правду. Прошедшие годы могли превратить его из страстного молодого человека в нечто совершенно иное. В кого-то спокойного, зрелого – и да, доброго. Может, он действительно хочет просто помочь.

Серина попыталась поверить в это, но не могла. Она знала в глубине души, что его возвращение в Роки-Крик не имеет ничего общего с добротой.

Не то чтобы она верила, будто Николас по-прежнему в нее влюблен. На похоронах его матери он продемонстрировал полное презрение. Но возможно, Ник решил отплатить ей той же монетой теперь, провести с ней ночь, полную необузданной страсти, и бросить...

По спине женщины пробежала дрожь...

Глава 3

Николас забронировал билет на самолет до Порт-Макуайр, который вылетал из Сиднея в восемь часов утра, – его путешествие должно было продлиться всего сорок пять минут.

Ровно в девять Николас уже вышел из аэропорта в Порт-Макуайр, а через пятнадцать минут уже ехал к центру города со всем своим багажом.

– А Порт здорово разросся с тех пор, как я в последний раз был здесь, – заметил Ник, выглянув в окно. – Правда, прошло почти двадцать лет...

– Черт возьми, приятель! – воскликнул таксист. – Повезет, если ты узнаешь тут хоть что-то!

Это было не совсем верно. «Например, центр города почти не изменился», – подумал Николас, когда они ехали по главной улице. Прямоугольная площадь была все такой же, улицы – прямыми и широкими. Старый кинотеатр по-прежнему стоял на углу... Но повсюду были признаки того, что процветал туризм, – появилось много новых домов, гостиниц, ресторанов и кафе.

В Австралию пришло лето. Николасу уже было жарко, одежда начинала липнуть к телу.

Такси свернуло направо в конце главной улицы и теперь направлялось вверх по холму к тому месту, где располагался новый дом с огромными квартирами. Здание было многоэтажным, и большая часть окон выходила на городской пляж.

Хотя заселение было в два часа, Николас получил ключи гораздо раньше – предыдущий жилец съехал еще вчера вечером. Впрочем, это неудивительно, если учесть, сколько стоила аренда роскошных апартаментов. Он снял жилье на неделю.

Ник открыл дверь и прошелся по комнатам, оценивая жилье стоимостью в две тысячи долларов. Просторная гостиная (она же столовая), огромный балкон с видом на море. Большая спальня с гигантской кроватью и плазменным телевизором на стене. Роскошная ванная комната с позолоченными кранами, хрустальными светильниками и джакузи на двоих.

Серина была ужасно напряжена в их прошлую встречу, после похорон его матери. Ник догадывался, чего она боялась. Конечно, она не призналась своему Грегу в том, что переспала с Николасом за месяц до свадьбы.

Его собственное настроение было довольно мрачным. Он безжалостно допрашивал Серину о том, кто был отцом Фелисити, хотя темные глаза и волосы малышки уже подсказали ему ответ. Это не его ребенок.

И все время, что они разговаривали, мужчина не мог расслабиться ни на секунду. Нико-лас хотел ее. Любил ее. Ненавидел.

Серина стала еще прекраснее с тех пор, как он видел ее в последний раз. Черный ей очень шел – с ее смуглой кожей, темными глазами и волосами... Рождение ребенка ничуть не испортило ее фигуры, наоборот – с этими новыми изгибами она была прекрасной, расцвела...

Николас в ту ночь не сомкнул глаз. Он ворочался и метался по постели, представляя Серину на супружеском ложе, в объятиях другого мужчины, накрывшего ее своим телом...

На следующее утро Николас уехал из Роки-Крик, поклявшись никогда больше не возвращаться.

И все же он это сделал.

И теперь не уедет из Австралии до тех пор, пока не узнает наверняка, какие чувства Серина сейчас испытывает к нему...

Глава 4

Утром в пятницу Серина обнаружила, что никак не может сосредоточиться на работе. Она могла думать только о том, что Николас уже на пути сюда. Совсем скоро он позвонит – не Фелисити, не Фреду Тарлтону, директору школы, а ей.

Фелисити, не по годам умное дитя, сообщила матери об этих новых условиях вчера поздно вечером. Ведь в школе все будут очень заняты, украшая актовый зал и готовясь к завтрашнему концерту.

Смысла спорить не было.

Фелисити, как и большинство современных детей, была настоящим профессионалом во всем, что касалось компьютера, и чувствовала себя в глобальной Сети как рыба в воде – в отличие от своей матери. За последние десять дней она вывалила на Серину целую кучу информации о Николасе, начиная с его первых выступлений и заканчивая его успехами в роли театрального антрепренера, включая громкую славу, пришедшую к его последней протее, молодой скрипачке из Японии по имени Джунко Хошино. Отдельные сплетники из числа журналистов утверждали, что они давно стали любовниками. Николас снискал себе славу известного дамского угодника.

Серина уже знала кое-что о его жизни за последние десять лет. Например, в журнале «Шестьдесят минут» пару лет назад в небольшой статье рассказывалось о несчастном случае, положившем конец музыкальной карьере Николаса. Автор восхищался тем, что пианист все же нашел в себе силы оставить трагедию в прошлом и проложить себе новый путь в мире шоу-бизнеса.

Было очень непросто читать этот отрывок, когда Грег сидел рядом с ней на диване. Серине хотелось вновь и вновь пробежать его глазами – но она не осмелилась. Грег знал, что его жена когда-то встречалась с Николасом, хотя она всегда расписывала их отношения в самых мрачных тонах. Однако той же ночью, когда Грег хотел заняться с ней любовью, Серина отказала ему. Она просто не могла спать со своим мужем, когда перед ее внутренним взором стоял Николас.

Вот и сегодня женщина думала только о нем – из-за того, что вчера вечером она видела на компьютере Фелисити. Эта несносная девчонка откопала где-то старое видео, на котором Николас исполнял один из полонезов Шопена.

Если верить тому, что пишут, Николас шел по одной из центральных улиц Лондона, когда водитель проезжающей мимо машины потерял управление, автомобиль врезался в угол дома и сразу же вспыхнул. За рулем сидела женщина, она сильно ударилась головой и потеряла сознание. Николас вытащил ее из машины и услышал детский плач. Ему потребовалось несколько минут, чтобы отстегнуть ремень, удерживавший малыша в детском кресле. Ожоги были сильными – на левой руке пришлось ампутировать большой палец.

Серина плакала, когда впервые услышала об этом происшествии, которое освещалось во всех выпусках новостей. Грег застал жену в слезах, но решил, что она снова расстроилась из-за того, что не может зачать еще одного ребенка. Женщина позволила ему так думать.

Но она чувствовала себя виноватой. Именно от этого ее освободила смерть Грега. От чувства вины.

Сегодня оно сменилось мучительным нервным напряжением.

Вскоре зазвонил ее сотовый телефон. Не рабочий, а сотовый.

– Это наверняка он! – воскликнула Элли, сидевшая за своим столом с табличкой «Администрация».

– Если это так, значит, он не поехал на машине, – отозвалась Серина.

– Конечно нет! – нетерпеливо воскликнула Эмма, сидевшая за соседним столом. – Разве такой человек будет трястись за рулем, когда можно взять билет на самолет?!

– Бога ради, Серина! – воскликнула Элли. – Сколько можно паяльаться на этот чертов телефон?! Возьми трубку!

Та вздрогнула и схватила телефон со стола.

– Алло, – хрипло выдавила она.

– Серина? Это ты?

Николас. Это его голос, навсегда врезавшийся в ее память, все такой же глубокий, низкий, бархатный, как растаявший шоколад...

Она с трудом сглотнула комок в горле.

– Да, да, это я, Николас, – поспешно подтвердила Серина, надеясь, что говорит спокойным, уверенным голосом, как и подобает деловой женщине. – Так, где ты сейчас?

– В Порт-Макуайр.

– Ох. Так, значит, ты добрался самолетом. Где остановился?

– «Апартаменты Блю Хорайзон».

Новейший и самый роскошный гостиничный комплекс в Порте. Еще бы, Николас всегда выбирает все самое лучшее.

– Как перелет из Лондона? – спросила Серина, прекрасно зная, что ее ассистентки навестили уши.

– Прекрасно. Честно говоря, проспал всю дорогу.

Вот бы она могла сказать то же самое о прошедшей ночи!

– Я всегда беру с собой снотворное в ночные перелеты, – признался Николас. – И путешествую первым классом, что способствует расслаблению.

– Разумеется, как же иначе.

Серина скривилась. Она понадеялась, что это не прозвучало слишком ядовито. Женщина была намерена не испытывать вообще никаких эмоций по отношению к Нику, сохраняя спокойную уверенность в себе. Хотя бы внешне.

Но ее сердце билось как сумасшедшее.

– А ты уже взял машину в аренду? – поинтересовалась Серина. «Пожалуйста, скажи, что так ты и сделал!» – мелькнула мысль. Последнее, что ей сейчас нужно, – это стать для Николаса личным водителем.

– Разумеется, – довольно сухо отозвался Ник. – Но в прошлый раз я хорошо усвоил урок и теперь взял внедорожник.

– Что ты имеешь в виду? Какой еще урок?

– Когда я вернулся домой на похороны, то взял спортивную машину.

– Ах да, я помню, – произнесла Серина. Все девчонки в городе – да и парни тоже – практически обливались слюнями, глядя на желтый спортивный автомобиль, припаркованный возле церкви.

– Полагаю, колдобины и рытвины на главной дороге Роки-Крик ничуть не изменились? – уточнил Николас.

– Боюсь, что так, – ответила она.

– Порт сильно изменился.

– Ну, прошло очень много времени, Николас. Все меняется.

– И многое не в лучшую сторону, – отрывисто заметил мужчина. – Так вот, как только я приму душ и переоденусь, то сразу же выеду в Роки-Крик, и ты мне расскажешь, куда и во сколько я должен завтра ехать. А потом, я надеюсь, ты составишь мне компанию за обедом...

– За обедом?! – пискнула Серина, не успев взять себя в руки. Нервно покосившись на Элли и Эмму, она увидела, что обе девушки яростно кивают. Отказ выглядел бы подозрительно.

– А что, есть какие-то причины отказываться? – между тем поинтересовался Николас.

– Ну, я... я сейчас на работе, – нашлась она.

– А, все тот же семейный бизнес, понимаю. Но теперь ты сама себе босс. Или твой отец оправился от удара?

Серина сглотнула.

– Нет, нет. Папа так и не выздоровел. Он... э... скончался пару лет назад. После еще одного удара.

– О, пожалуйста, извини, Серина, – мягко отозвался Ник. – Я знаю, как сильно ты его любила. Как твоя мама это перенесла?

Серина моргнула, удивленная внезапной чувствительностью со стороны Николаса. Как это отличалось от их последнего разговора! Тогда, после похорон своей матери, он был переполнен горечью и гневом. Возможно, Серина и впрямь ошибалась, гадая о причинах его возвращения.

Серина очень надеялась на это. Искренне.

– Думаю, мама даже вздохнула с облегчением, когда папа умер, – призналась она. – Знаешь, его состояние было сложно назвать жизнью. Он не мог ни говорить, ни ходить... Лечение ничем не помогло – мозг слишком сильно пострадал.

– Я этого не знал.

Конечно, не знал. Он никогда не спрашивал. А она ни за что бы не рассказала. Они даже не встречались до той самой ночи, когда была зачата Фелисити, но тогда их кратковременное воссоединение было наполнено отнюдь не разговорами.

У Серины начала кружиться голова. Так, что он спрашивал-то? Что-то о ее матери... Ах да...

– Так что у мамы все в порядке. Она продала старую ферму и переехала на виллу в новом поселке ближе к городу, иногда помогает мне. – Она не стала добавлять, что все это стало возможным только после смерти Грега.

Она любила своего мужа. Возможно, и не испытывала к нему такой страсти, как к Николасу, но ее привязанность была искренней.

Тем не менее пришлось признаться самой себе, что, как только первый шок и горе остались позади, Серина пережила странное чувство облегчения.

Теперь, оставшись вдовой, Серина решила, что сохранности ее тайны больше ничто не угрожает.

И верила в это вплоть до последнего момента.

«Что подумает Николас, – с внезапным страхом спросила себя она, – если увидит, как Фелисити играет на пианино?» А Ник не мог не увидеть, ведь дочь Серины тоже участвовала в завтрашнем концерте... К счастью, девочка совершенно не походила на своего настоящего отца внешне, но вот что-то в ее манере играть, отдельные жесты очень напоминали Николаса. То, как она ударяла пальцами по клавишам, показная легкость, с которой Фелисити убирала руки с пианино...

Да, тут было о чем побеспокоиться.

– Возможно, твоя мама могла бы забежать к вам в офис? – спросил тем временем ее собеседник. – Заменить тебя на пару часов?

– О, э... нет, она не сможет. Видишь ли, ей пришлось взять миссис Джонсон в Ньюкасл. В госпиталь имени Джона Хантера – к кардиологу.

– У нее проблемы со здоровьем?

– Ну, в общем, с ней все в порядке. Но миссис Джонсон уже пожилая дама. Когда ей стало плохо несколько недель назад, мама решила, что будет лучше провериться. После того, что произошло с папой, она стала твердо верить в то, что гораздо лучше предотвратить болезнь, нежели пытаться вылечить ее.

– Ясно. Значит, ты до конца дня проторчишь на работе.

– Нет-нет, я смогу ненадолго уйти, – поспешно произнесла Серина. – Мне здорово помогают здесь, в офисе. К тому же дел в это время года не так много.

– Отлично. Тогда увидимся примерно через час.

– Идет. Ты знаешь, куда ехать?

– Полагаю, склад лесоматериалов никуда не переехал. По левую руку, мимо гаража в тупике, которым заканчивается главная улица.

– Да, все верно. – Серина не сумела сдержать кривую ухмылку, которая заиграла на ее губах. Прошло уже десять лет с того момента, как он в последний раз был в Роки-Крик, к тому же их семейный бизнес разросся почти так же быстро, как Порт. Будет приятно увидеть изумление в глазах Николаса, когда он лично убедится в этом.

– Да, и ты тоже изменилась, – резюмировала Серина чуть позже, глядя на себя в зеркало в уборной.

На нее смотрела по-прежнему привлекательная молодая женщина. На первый взгляд. С годами Серина не набрала вес, и волосы пока не начали седеть. Но кожа больше не была столь же гладкой и цветущей, как в молодости. В уголках глаз появились морщинки. И у подбородка кожа начала провисать, заметила женщина, приглядевшись.

Серина раздраженно вздохнула. До чего ж она, оказывается, глупа! И тщеславна.

Обычно, выходя на работу, она сильно не красилась – немного туши и губной помады. Но сегодня утром Серина поддалась искушению, воспользовавшись тональным кремом и карандашом для глаз. Еще и новое платье надела, купленное в прошлые выходные в одном из бутиков в Порт-Макуайр. Она приобрела целых два наряда, памятуя о скором визите Николаса.

Женская гордость требовала, чтобы Серина выглядела как можно лучше, а не как какая-то деревенская дурочка!

Руки дрожали, когда она попыталась обновить слой помады на губах, пальцы замерли, стоило ей обратить внимание на свои глаза.

Они ярко блестели. Слишком ярко.

– Ох, Серина, Серина, будь осторожна, – шепотом велела себе женщина.

Глава 5

Николас не обращал внимания на вид за окном, отправляясь в Роки-Крик. Заблудиться он, конечно, не мог – в город вела только одна дорога. Мысли Ника вертелись вокруг Серины и того, как она разговаривала с ним по телефону.

Казалось, она ничуть не расстроена его возвращением, хотя, по всей видимости, предпочла бы не иметь с Николасом никаких дел. Ему показалось, что Серина совершенно не хотела обедать с ним сегодня. Но при этом не могла отказать, чтобы не показаться грубой.

Ее дочь была бы очень недовольна матерью, прояви та враждебность по отношению к Николасу, о чем он, разумеется, был прекрасно осведомлен.

Ник улыбнулся, вспомнив о тех письмах, которыми он успел обменяться с Фелисити. Какая удивительная, умненькая девочка! Но при этом слишком самоуверенная. Для овдовевшей матери сущее наказание.

Николас знал все это из первых рук – когда-то он и сам был таким же ребенком...

Его собственная мать, тоже бывшая вдовой в каком-то смысле слова, окончательно перестала уделять сыну внимание, когда ему исполнилось тринадцать. С тех пор он сам добивался всего в жизни, и, нужно сказать, довольно успешно.

Только с Сериной Николас потерпел поражение. Дважды позволил ей уйти.

Казалось совершенно нелогичным то, что он до сих пор ее хотел.

Николас подозревал, что Серина теперь не упадет в его объятия так легко, как той ночью в Сиднее. С тех пор прошло тринадцать долгих лет – и десять лет с того дня, как они виделись в последний раз. Вряд ли, правда, тот случай можно брать в расчет, потому что тогда муж Серины маячил неподалеку.

Но теперь этого досадного препятствия больше не было.

Женщина, с которой он только что говорил, была куда больше уверена в себе, чем та девочка, которая охотно соглашалась со всеми его планами.

И все же это по-прежнему была его Серина. Возможно, она считает, что между ними больше ничего нет... Напрасно. Девушка, ни разу не сказавшая ему «нет» – по крайней мере, когда речь шла о сексе, – должна была вернуться к жизни.

Николасу стало жарко, когда он вспомнил о том, что они делали вместе. В самом начале их занятия любовью были совсем простыми, даже примитивными. Но со временем и практикой влюбленные постепенно обнаружили, что нет границ фантазии. Иногда, когда Ник возвращался в город на выходные, а родители Серины уезжали играть в гольф, они проводили целый день занимаясь сексом по всему дому... кроме спальни ее родителей.

Все остальные комнаты были в их полном распоряжении, подвергаясь напору нешуточных и все более разгорающихся страстей: спальня для гостей с широкой кроватью, огромный мягкий диван, ковер перед камином, журнальный столик...

И Серина всегда с удовольствием участвовала в любых фантазиях.

Это было поразительно – и вызвало привыкание.

Именно поэтому она пришла к нему в примерку всего за месяц до своей свадьбы. Серина так и не смогла забыть то, что когда-то было между ними.

И возможно, была права. Николас никогда не был абсолютно счастлив ни с одной другой женщиной. Теперь, думая об этом, он заподозрил, что и Серина не была счастлива со своим мужем. В тот день, на похоронах его матери, ее напряжение объяснялось не только страхом, что Грег может обо всем догадаться, но и тем, что бывшее притяжение ощущалось с невероятной силой.

По крайней мере, Николасу очень хотелось в это верить. И до тех пор, пока не появятся доказательства обратного, он будет считать именно так.

Впереди виднелся Ваучоп, ближайший город к Роки-Крик, где Николас учился и где делали покупки большинство жителей. Он посмотрел по сторонам, но не заметил тех разительных перемен, которые произошли в Порт-Макуайр. Железная дорога, проходившая через город, осталась такой же, как и главная улица. Только выехав из города на шоссе, Николас заметил, что напротив парка появился новый огромный торговый центр «Тимбер-Таун».

Вскоре он достиг нужного поворота. До дома оставалось совсем немного.

Хотя Роки-Крик никогда не был его домом.

Николас родился и рос в Сиднее. Город служил ему напоминанием о краткой интрижке между его сорокалетней матерью, работавшей в то время в гардеробе в Оперном театре, и заезжим шведским стюардом, у которого дома осталась жена с детьми, а вечная жажда приключений не ослабевала с годами.

Однажды его блуждающий взгляд упал на Маделин Дюпре, которая в свои сорок лет оставалась весьма привлекательной женщиной. Былые неудачи в области взаимоотношений заставили ее с некоторым недоверием относиться ко всем представителям противоположного пола. В поведении мадам Дюпре была известная резкость, отпугивавшая большинство мужчин. Поэтому женщина была захвачена врасплох – и в глубине души не могла не почувствовать себя польщенной – неожиданным интересом красивого стюарда и с радостью согласилась греть его постель. Она намеренно соврала, будто употребляет противозачаточные, и через несколько недель уже махала ему рукой в аэропорту. Женщина чувствовала удовлетворение оттого, что ее неожиданный, но успешный план забеременеть от человека, который будет жить как можно дальше, но при этом окажется красивым и умным, прошел без сучка и задоринки. Единственное, Маделин тогда не учла, что в одиночку воспитывать ребенка (да еще такого, как Николас) будет очень сложно.

Уволившись с работы из-за беременности, она стала зарабатывать на жизнь шитьем. Так можно было оставаться дома и присматривать за сыном. Ей хватило предусмотрительности пять лет назад купить в кредит небольшой домик в пригороде Сарри-Хиллз. Это приобретение опустошило все ее счета, зато придало чувство безопасности, надежности. Маделин была особенно рада ему теперь, когда у нее появился ребенок.

Но Сидней – не самый лучший город для одинокой женщины. Родители мисс Дюпре давно скончались, а единственный брат переехал в Западную Австралию, где нашел работу, и не слишком часто виделся с сестрой. Единственное, что у нее было в жизни, – это сын.

Когда Николасу было одиннадцать – а в это время его с каждым днем было все сложнее контролировать, – она сшила платье для сестры одной из своих постоянных клиенток, которая приехала в гости из маленького городка на северном побережье. Из Роки-Крик.

– Ах, если бы только у нас в городе была такая замечательная портниха, как вы! – вздыхала женщина. – Она бы не сидела без работы, это точно.

Маделин и сама уже не раз задумывалась о том, чтобы переехать из большого города в какое-нибудь спокойное местечко, но до сих пор никак не могла решиться на такие перемены. Она родилась в Сиднее и не знала другой жизни. Но проблемы, которые у нее начались с Николасом – тот как раз связался с бандой парней, которые по ночам громили все подряд, – заставили женщину подумать еще раз.

Убедившись, что в Роки-Крик она сможет купить себе дом всего лишь за половину стоимости ее здешнего жилья, Маделин решилась рискнуть и уехала из Сиднея.

Николас был в ярости. Он был типичным городским мальчиком, и ему не хотелось торчать где-то на окраинах страны. Ник не желал ходить в школу, где будет учиться от силы шестьдесят человек. Он жаловался, капризничал, скандалил – но все напрасно.

Это продолжалось до тех пор, пока в его жизни не появились миссис Джонсон и пианино.

Учительница музыки была старой девой и не имела детей. Она жила в небольшом коттедже неподалеку от того дома, который купила Маделин, зарабатывала на жизнь тем, что давала

частные уроки музыки, и, по слухам, когда-то была известной пианисткой. Очевидно, вмешалась судьба – окно комнаты, где она обычно играла, находилось как раз напротив спальни Николаса. Он не мог не слышать музыку.

Мальчик наслаждался звуками пианино. Однажды – Нику едва исполнилось двенадцать – он не сумел противостоять притяжению музыки и спросил мать, нельзя ли ему учиться играть на пианино.

Несмотря на нехватку средств, обрадованная Маделин Дюпре быстро договорилась обо всем с миссис Джонсон. Та согласилась учить Николаса бесплатно, если портниха пообещает ей сшить новое платье, когда понадобится. Что до покупки пианино – миссис Джонсон разрешила мальчику заниматься у нее дома, когда никто не играл. Осознав, что ей в руки свалился настоящий бриллиант, учительница даже дала ему ключ от входной двери, чтобы Ник мог заниматься по вечерам, пока она играет в бридж.

Вскоре Николас все свое свободное время проводил за пианино. Он забросил свои домашние задания в школе, зато преуспел в музыке. В пятнадцать лет Ник уже окончил семь классов с отличием, а в семнадцать получил свой первый диплом. В выпускном классе Николас выиграл стипендию в Сиднейскую консерваторию.

Миссис Джонсон очень гордилась своим учеником – как и его мать. Но всем остальным в Роки-Крик до этого не было ровно никакого дела. Почему? Потому что Ник был изгоем, чужаком.

Серина была единственной девушкой, с которой он разговаривал.

Ну вот, снова Серина...

Николас сделал глубокий вдох и медленно выдохнул. Еще неизвестно, кто из них кого соблазнил в первый раз. Серина призналась потом, что влюбилась в него в тот день, когда они впервые встретились, – Нику было двенадцать, а ей девять. Девушка рассказала ему позже, что специально договорилась так, чтобы заниматься сразу после него. Она приходила пораньше и сидела в гостиной миссис Джонсон, слушая, как мальчик играет. Николас тогда не обращал на нее ни малейшего внимания. Постепенно они начали общаться, и, в конце концов, юноша стал с нетерпением ждать этих вечерних бесед. Однажды миссис Джонсон предложила им разучить пьесу в четыре руки, которая впоследствии была исполнена на ежегодном празднестве Роки-Крик и удостоилась бурных оваций.

Серина во многом уступала Николасу, но все же была весьма одаренной пианисткой. Неудивительно, что ее дочь теперь тоже занимается музыкой. Фелисити брала уроки у миссис Джонсон. Ей должно быть уже около ста лет!

Ну, больше восьмидесяти – это точно. Двадцать пять лет назад учительнице было около шестидесяти – или, по крайней мере, так одно время думал Николас. В конце концов, когда ты молод, любой человек, которому за сорок, кажется стариком.

И вот теперь ему самому сорок. Годы действительно летят вперед... как и эта чертова дорога!

Этот городок всегда был очень красивым местом, даже Ник это признавал, и был удобно расположен, всего в получасе езды от Порт-Макуайр. Но Роки-Крик был слишком маленьким – по мнению Ника. Ограниченный как в размерах, так и в образе мыслей населения. Все знали все обо всех. Николас это просто ненавидел. Он любил уединение, полную неизвестность, даже анонимность, которую могли обеспечить только большие города вроде Нью-Йорка или Лондона. Не говоря уже о широком выборе развлечений.

«Так что ты делаешь здесь, Николас?» – пришла в голову непрошенная мысль.

«Вряд ли Серина по-прежнему влюблена в тебя, и она ни за что на свете не уедет отсюда с тобой. Никогда. Ты и сам это знаешь, – сказал себе мужчина. – Она часть этого общества, как и ее дочь. Ты зря теряешь время».

Правда, как всегда, имела горький привкус. Но ее пришлось проглотить. Почему ему так хотелось остаться с Сериной наедине сегодня? Потому что он должен побыть с ней еще раз.

Николас взглянул на свою левую руку, без большого пальца, покрытую шрамами, и вспомнил, каково было пытаться принять тот факт, что ему больше никогда не суждено играть на пианино. Это было время отчаяния. Но в конце концов пришлось смириться с этим, так как есть вещи, которые нельзя изменить. Нельзя отрастить еще один палец.

Но он должен снова быть с Сериной. Хотя бы недолго.

Дорога вильнула в последний раз и привела Николааса к городу.

Он изумленно изогнул брови. Этих построек здесь не было десять лет назад. Его удивление только возрастало по мере того, как он ехал вперед. Дорога выходила к главной улице Роки-Крик. Николаас пораженно смотрел по сторонам. Вот незнакомая кофейня, антикварный магазин и роскошный салон красоты.

Гараж в конце главной улицы тоже выглядел очень современно. И все же ничто увиденное не смогло подготовить Николааса к тем переменам, которые произошли со «Складом пиломатериалов Теда Брауна».

Во-первых, теперь предприятие называлось по-другому. Новая вывеска гласила: «Строительные материалы Браунов». Старый сарай, который когда-то гордо назывался офисом, давно исчез, и на его месте расположилось современное здание светло-бежевого цвета. Перед ним располагалась стоянка, на которой парковочные места были размечены желтыми линиями.

Николас криво улыбнулся. Сериная могла бы и предупредить его. С другой стороны, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.